U 203/1038

В. БЁМЕРТЪ.

И 203/1038

Николай Николаев
ТАШЕНК
КРАВЧЕНК

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ЖЕНЩИНЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
типографіи П. П. Меркульева. Графскій переулокъ, д. № 5.
1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 ноября 1872 г.

ВСЕСОЮЗНАЯ КНИЖ-ПАЯ ПАЛАТА
41920-44
2007056220

ГЛАВА I.

Предварительныя замѣчанія.

Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ Цюрихскій университетъ занятъ разрѣшеніемъ одного изъ труднѣйшихъ общественныхъ вопросовъ. Въ числѣ 354 студентовъ, принятыхъ вновь въ лѣтній семестръ 1872 года, находятся 63 женщины; изъ нихъ 51 поступили на медицинскій, а 12 на философскій факультеты. Такое быстрое возрастаніе числа женщинъ-студентокъ возбуждаетъ въ друзьяхъ университета довольно смѣшанныя чувства; они готовы еще помириться съ присутствіемъ женщинъ на лекціяхъ философіи, исторіи и литературы; но допущеніе прекраснаго пола къ изученію медицины, къ анатомическимъ и клиническимъ работамъ возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторое раздумье...

Цюрихскій медицинскій факультетъ былъ принужденъ извѣстными обстоятельствами, которыя не имъ были вызваны, но противъ которыхъ онъ и не особенно боролся — предоставить свои средства практическому рѣшенію этого вопроса.

Нечего говорить, что еще многія стороны этого во-

проса не вполнѣ рѣшены, даже не вполнѣ выяснены; возбуждаются то «*этическія*», то «*эстетическія*» соображенія; то появляется сомнѣніе, — способна ли женщина изучать медицину; то страшатся, чтобы совмѣстныя занятія съ мужчинами не привели въ концѣ концовъ къ «серьознымъ непріятностямъ». И здѣсь, какъ и при рѣшеніи всякаго вопроса человѣческой культуры, нельзя руководиться одними личными чувствами и господствующими мнѣніями дня; и здѣсь многое нужно предоставить будущему и признать, что лишь тѣ вопросы времени могутъ прійдти къ успѣшному разрѣшенію, которымъ дана возможность свободно развиваться и которые провѣряются опытомъ.

Съ такой точки зрѣнія посмотрѣлъ на это дѣло и Цюрихскій университетъ; онъ не отвергъ обращенныхъ въ нему просьбъ женщинъ и впродолженіе восьми лѣтъ самымъ безпристрастнымъ образомъ собиралъ матеріалы для рѣшенія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи.

Хотя уже шесть женщинъ, слушавшихъ лекціи въ Цюрихѣ, самымъ почетнымъ образомъ окончили свой курсъ, однако университетъ, какъ корпорація, не рѣшается еще высказать свой приговоръ относительно того, въ какую опредѣленную форму должна будетъ сложиться будущая дѣятельность врачей-женщинъ. Профессора медицины весьма благоразумно остерегаются объявить сдѣланный въ Цюрихѣ опытъ вполнѣ достаточнымъ для рѣшенія вопроса о допущеніи женщинъ въ университетъ и о правѣ женщинъ практиковать въ качествѣ медиковъ. Задача ихъ заключалась въ томъ, чтобы дать женщинамъ основательное университетское

образованіе, но не въ томъ, чтобы вмѣшиваться въ рѣшеніе соціальнаго вопроса.

При той осторожности и сдержаности, съ которою до сихъ поръ работаютъ въ Цюрихѣ надъ столь важною для нашего времени проблемою, весьма странно, что со стороны нѣмецкихъ университетовъ, не имѣющихъ за собою опыта, осуждается сплеча университетское образованіе женщины и въ особенности изученіе женщинами медицины. Такъ напр. недавно появилась брошюра извѣстнаго анатома и физіолога, профессора Мюнхенскаго университета, Бишофа: «Das Studium und die Ausübung der Medicin durch Frauen» (Изученіе и практическое примѣненіе медицины женщиною). Въ ней г. Бишофъ самымъ энергическимъ образомъ возстаетъ противъ все болѣе и болѣе увеличивающагося стремленія женщинъ къ изученію медицины; онъ приходитъ, на стр. 47, къ слѣдующимъ положеніямъ:

«Женщинамъ, по божескому и естественному предопредѣленію, не дана способность изученія и практическаго приложенія точныхъ наукъ, каковы естествознаніе и медицина».

«Изученіе медицины и медицинская практика не только оскорбляютъ, но и притупляютъ самыя благороднѣйшія стороны женской натуры—сострадательность, скромность, стыдливость—словомъ все, чѣмъ онѣ отличаются отъ мужчинъ».

«Образованіе женщинъ-врачей не совмѣстно съ современнымъ порядкомъ въ школѣ и университетѣ; потому что присутствіе ихъ тамъ не только будетъ тормозить преподаваніе, но и подвергнетъ сильной опасности нравстенность мужчинъ-слушателей».

«Переполненіе класса врачей неспособными и полуобразованными женщинами врачами-ремесленниками,— а такихъ только и можно ждать изъ среды женщинъ, задерживаетъ и мѣшаетъ развитію медицины, какъ науки, самымъ вреднымъ образомъ».

«Такое переполненіе класса врачей ремесленниками при неизбѣжномъ вытѣсненіи врачей-мужчинъ принесетъ большой вредъ общественному здоровью, какъ въ мирное, такъ и въ военное время».

Г. Бишофъ сознается, что до сихъ поръ онъ не обучалъ ни одной женщины, и даже объявляетъ, «что онъ никогда не дозволитъ женщинамъ присутствовать на его лекціяхъ» (стр. 41). Слѣдовательно, онъ, вопреки естественному методу, пришелъ къ своимъ выводамъ чисто апріористическимъ путемъ. Будучи вполнѣ убѣждены въ ошибочности такого пріема, мы рѣшились разсмотрѣть вопросъ о женскомъ университетскомъ образованіи другимъ путемъ—путемъ чистаго опыта; опираясь на оффиціальные документы, на факты, собранные за нѣсколько лѣтъ, наконецъ на многочисленыя свидѣтельства нашихъ коллегъ, преимущественно профессоровъ мединскаго факультета, мы надѣемся хоть сколько нибудь споспѣшествовать благопріятному разрѣшенію этого, въ высшей степени важнаго для развитія человѣчества, вопроса.

ГЛАВА II.

Историческій очеркъ университетскаго женскаго образованія въ Цюрихѣ *).

Правленіе Цюрихскаго университета со времени его основанія и до 1864 года допустило къ слушанію лекцій на философскомъ факультетѣ двухъ женщинъ; обѣ онѣ были вольными слушателями (Auditoren.)

Осенью 1864 г. дѣвица К. изъ Россіи просила правленіе университета разрѣшить ей посѣщеніе не только общихъ естественно-историческихъ курсовъ, но также и лекціи анатоміи и микроскопіи; это было ей дозволено, съ согласія дирекціи народнаго просвѣщенія, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы профессора не имѣли бы ничего противъ посѣщеній аудиторій г-жею К.

---

*) Къ этой главѣ прилагается статистическая таблица университетскаго женскаго образованія, которая даетъ понятіе какъ о постепенномъ увеличеніи числа слушательницъ въ Цюрихскомъ университетѣ, такъ и о распредѣленіи ихъ по факультетамъ и національностямъ.

Статистика женскаго высшаго образованія при

	Общее число студентокъ.		Родина			
			Россія.		Англія.	
	на медицинскомъ факультетѣ.	на философскомъ факультетѣ.	медицинскій факультетъ.	философскій факультетъ.	медицинскій факультетъ.	философскій факультетъ.
1 Зимній курсъ 1864/65	1	—	1	—	—	—
2 Лѣтній курсъ 1865	2	—	2	—	—	—
3 Зимній курсъ 1865/66	2	—	2	—	—	—
4 Лѣтній курсъ 1866	2	—	2	—	—	—
5 Зимній курсъ 1866/67	2	—	2	—	—	—
6 Лѣтній курсъ 1867	1	—	1	—	—	—
7 Зимній курсъ 1867/68	3	—	1	—	2	—
8 Лѣтній курсъ 1868	4	1	2	—	3	1
9 Зимній курсъ 1868/69	7	1	3	1	3	—
10 Лѣтній курсъ 1869	8	1	5	—	3	—
11 Зимній курсъ 1869/70	12	2	9	1	2	—
12 Лѣтній курсъ 1870	13	3	11	1	2	—
13 Зимній курсъ 1870/71	17	5	13	3	2	—
14 Лѣтній курсъ 1871	15	4	11	2	2	—
15 Зимній курсъ 1871/72	24	7	17	4	2	—
16 Лѣтній курсъ 1872	51	12	44	10	1	—

Цюрихскомъ университетѣ отъ 1864 до 1872 года.

студентокъ.					Число выбывшихъ студентокъ.		
Швейцарія.	Германія.		Америка	Австрія.	съ экзаменомъ.	безъ экзамена.	
медицинскій факультетъ.	медицинскій факультетъ.	философскій факультетъ,	медицинскій факультетъ.	философскій факультетъ.	медицинскій факультетъ.	медицинскій факультетъ.	философскій факультетъ.
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1
1	—	—	1	—	—	—	—
1	—	—	1	—	—	1	—
1	—	—	1	—	1	—	—
1	—	—	1	—	—	4	1
1	1	—	1	1	1	1	1
1	1	—	1	1	1	2	2
2	3	1	—	2	1	2	1
2	3	1	—	2	—	—	—

Осенью 1865 года пріѣхала въ Цюрихъ еще одна русская, г-жа С., имѣвшая болѣе основательную подготовку, чѣмъ ея предшественница; ей также было постановлено одно только условіе—согласіе профессоровъ, лекціи которыхъ она будетъ посѣщать. И такъ, благодаря тому, что университетскій уставъ не препятствовалъ допущенію въ университетъ женщинъ, а профессора анатоміи и физіологіи отнеслись къ этому дѣлу безъ всякихъ предубѣжденій, медицинскій факультетъ за одинъ разъ получилъ двухъ слушательницъ.

Но та точка, съ которой смотрѣли прежде на посѣщеніе лекцій женщинами, совершенно измѣнилась, благодаря присутствію двухъ женщинъ, серьозно относящихся къ своимъ ученымъ занятіямъ. Явился вопросъ: не лежитъ ли на университетѣ нравственная обязанность предоставить въ распоряженіе всѣ учебныя средства заведенія женщинамъ, допущеннымъ къ слушанію лекцій, и справедливо ли обусловливать посѣщеніе аудиторіи согласіемъ лектора. Далѣе было въ высшей степени затруднительно рѣшить, какъ нужно поступать администраціи университета, когда слушательница пожелала бы по окончаніи курса получить ученую степень, на что имѣетъ право только лишь студентъ. Чтобы положить конецъ этой неопредѣленности правъ женщины, мѣшающей получить университетское образованіе, нужно было путемъ чисто оффиціальнымъ прійти къ такому рѣшенію: или имматрикулировать (т. е. дать права студентовъ) женщинъ, или вовсе не допускать ихъ къ слушанью лекцій.

Для рѣшенія этого вопроса была назначена комиссія, выработавшая слѣдующія положенія, о которыхъ ди-

рекція народнаго просвѣщенія должна была опредѣленно высказать свое мнѣніе:

1.) «Возможно ли допускать женщинъ къ слушанью лекцій вообще, а по медицинѣ въ особенности;

и 2) «при утвердительномъ отвѣтѣ на первый вопросъ, слѣдуетъ ли такимъ женщинамъ предоставить всѣ права, присвоенныя членамъ университетской корпораціи, — съ одной стороны, для доставленія имъ возможности всесторонняго изученія наукъ; съ другой—для того, чтобы подчинить ихъ общимъ студентскимъ правиламъ».

Въ маѣ 1865 года, проэктъ комиссіи былъ подвергнутъ самому тщательному обсужденію всего университетскаго совѣта. Прежде всего было указано на то обстоятельство, что присутствіе женщинъ на нѣкоторыхъ лекціяхъ въ средѣ молодыхъ людей имѣетъ въ себѣ что-то сомнительное и можетъ быть подвергнуто весьма различнымъ толкованіямъ; но при этомъ замѣчено, что студенты постоянно вели себя относительно такихъ женщинъ-слушательницъ въ высшей степени прилично и съ тактомъ; не было упущено и то, что имматрикулированіе женщинъ имѣетъ нѣкоторыя стороны, находящіяся въ противорѣчіи со всѣми прежними понятіями. Кромѣ того, вопросъ былъ разсмотрѣнъ и съ «*этической*» и съ «*эстетической*», съ обще-человѣческой и соціальной стороны, а также и со стороны естественнаго права.

Эти весьма оживленныя пренія обнаружили, что въ университетскомъ совѣтѣ число сторонниковъ не превышало числа противниковъ высшаго женскаго образованія. Поэтому рѣшили—не обращаться пока къ дирекціи народнаго образованія; если же женщины пожелаютъ слушать лекціи, то допустить ихъ къ этому. Изъ

этого видно, что совѣтъ университета, рѣшая вопросъ въ духѣ laissez faire, не желалъ произнести свой окончательный приговоръ a priori, руководствуясь какими-либо предвзятыми идеями, не основываясь на опытѣ; правда, что нѣкоторые изъ членовъ совѣта думали, что первая попытка женщинъ пройдетъ совершенно безслѣдно, и такимъ образомъ избавитъ ихъ отъ необходимости рѣшить отвлеченный принципъ большинствомъ голосовъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы въ подтвержденіе этой надежды, первая изъ поступившихъ женщинъ оказалась не вполнѣ подготовленною и оставила университетъ въ 1867 году. Но за то дѣвица С. продолжала свои занятія съ такимъ постоянствомъ и съ такимъ рвеніемъ, что возбудила полное уваженіе къ себѣ какъ у профессоровъ, такъ и у студентовъ. Въ февралѣ 1866 года она просила о допущеніи ея къ экзамену на степень доктора медицины; но ей отвѣчали, что, по уставу, къ этому экзамену могутъ быть допущены только лишь студенты, поэтому ей нужно сперва имматрикулироваться. Тогдашній ректоръ цюрихскаго университета сначала колебался самолично рѣшить вопросъ о допущеніи женщинъ въ число студентовъ; но такъ какъ въ университетскомъ уставѣ этотъ случай не былъ предусмотрѣнъ, то онъ, посовѣтовавшись предварительно съ директоромъ по дѣламъ народнаго просвѣщенія въ Цюрихѣ, нашелъ необходимымъ рѣшить этотъ вопросъ въ пользу г-жи С. и записалъ ее въ число студентовъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, формальное право возвело въ законъ лишь то, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ привычкою и опытомъ было признано само по себѣ справедливымъ и разумнымъ.

Послѣ имматрикулированія г-жа С. была допущена къ экзамену на степень доктора. Хотя члены медицинскаго факультета и не относились враждебно къ вопросу о высшемъ образованіи женщинъ, но всякій повѣритъ, что экзаменъ для докторантки не былъ облегченъ; не смотря на это, онъ былъ сданъ блистательно, и, по выполненіи прочихъ обычныхъ условій, г-жа С. получила дипломъ доктора медицины.

Можно было ожидать, что это событіе вызоветъ огромный наплывъ учащихся женщинъ; но это ожиданіе сбывалось лишь медленно. Въ слѣдующіе два года лекціи медицины слушали: три англичанки, одна швейцарка, одна русская и одна американка; всѣ онѣ выдержали экзаменъ. Кромѣ того, одна англичанка и трое русскихъ хотя и были зачислены въ это время въ число студентовъ, но вскорѣ удалились, не подвергаясь экзамену. Въ лѣтнемъ семестрѣ 1868 года на философскій факультетъ поступила первая англичанка, которая, впрочемъ, вышла при концѣ семестра. Въ зимній семестръ 1869—70 года имматрикулировались 6 женщинъ; но 3 изъ нихъ вышли, не подвергаясь экзамену. Въ зимній семестръ 1870—71 года число вновь зачисленныхъ въ студенты женщинъ возрасло до 11, изъ которыхъ, однако, 5 удалились безъ экзамена. Въ лѣтній семестръ 1871 года ни одна женщина не была зачислена въ студенты; двѣ вышли безъ экзамена, одна выдержала экзаменъ.

Такъ развивалось университетское образованіе до зимняго семестра 1871 года. Изъ 25 женщинъ, слушавшихъ съ 1864 года лекціи медицины три окончили курсъ, выдержавъ экзаменъ, семеро удалились не под-

вергаясь никакому испытанію; изъ семерыхъ, записавшихся на философскій факультетъ, оставили университетъ безъ всякаго экзамена трое. Такимъ образомъ въ лѣтнемъ семестрѣ 1871 года осталось 15 женщинъ слушающихъ лекціи медицины и четыре слушающихъ лекціи фисософіи.

Но въ слѣдующемъ году наплывъ женщинъ былъ гораздо сильнѣе: ихъ число возрасло въ зимнемъ семестрѣ 18$^{71}/_{72}$ года съ 19 до 31, а въ лѣтнемъ семестрѣ 1872 г. съ 31 до 63.

Впрочемъ, чѣмъ больше возрастало число учащихся женщинъ, тѣмъ становилось очевиднѣе, что большинство вновь поступившихъ не имѣетъ ни той подготовки, ни того развитія, какими обладали женщины первыхъ двухъ выпусковъ. Цюрихскій университетъ, въ силу своего устава, подвергаетъ вступительному экзамену только лишь туземцевъ; всѣ же иностранцы, какъ бы они ни были неспособны, неподготовлены, принимаются въ число студентовъ безъ всякаго повѣрочнаго экзамена. Въ послѣднее время этимъ свободнымъ доступомъ въ университетъ преимущественно пользовались русскія: изъ 63 учащихся женщинъ 54—родились въ Россіи. Нѣкоторые профессора находятъ этотъ перевѣсъ русскаго элемента весьма понятнымъ, такъ какъ ненормальныя соціальныя условія громаднаго государства возбудили ненормальныя соціалистическія и нигилистическія идеи, которыми, какъ полагаютъ, заражены даже нѣкоторыя изъ слушающихъ лекціи въ Цюрихѣ. Здѣсь не мѣсто подробнѣе распространяться объ этихъ смѣшныхъ предположеніяхъ; да для этого мы и не имѣемъ достаточнаго количества фактовъ. Рѣзкое

различіе межъ высшими классами и народомъ въ Россіи, политическое и соціальное положеніе массъ возбуждаетъ въ образованной части общества, принявшей всю культуру Запада, сильное стремленіе къ разумной свободѣ, и, прежде всего, къ знанію. Это стремленіе увлекло также и женщинъ; оно привело къ основанію во всѣхъ губернскихъ городахъ женскихъ гимназій. При всемъ томъ, какъ пишетъ въ «Neue Züricher Ztg» живущій въ Петербургѣ швейцарскій врачъ, въ Россіи нѣтъ ни одного университета, который былъ бы вполнѣ открытъ для женщинъ; для нихъ читаются только такъ наз. публичныя лекціи въ двухгодичныхъ курсахъ. Для многихъ эти курсы не удовлетворительны по неполнотѣ своей программы и служатъ какъ бы возбужденіемъ къ попыткѣ пройти полный спеціальный курсъ. Осуществить эту идею на дѣлѣ женщины могутъ пока только въ Цюрихѣ. Цюрихскій университетъ, по плану своихъ основателей, долженъ былъ сдѣлаться высшимъ выразителемъ, прибѣжищемъ германской науки въ Швейцаріи; такимъ онъ дѣйствительно и сталъ. Но кромѣ своего швейцарско-германскаго, онъ имѣетъ еще и международный характеръ. Въ Цюрихскомъ университетѣ, (а еще болѣе въ Цюрихской союзной политехнической школѣ) въ своемъ стремленіи къ научному усовершенствованію по всѣмъ отраслямъ знанія сошлись и германскіе, и романскіе, и славянскіе элементы. Славянская раса, всегда съ лихорадочнымъ жаромъ увлекающаяся всякими научными и соціальными стремленіями, всякимъ политическимъ движеніемъ, и въ опытѣ университетскаго образованія женщинъ приняла самое дѣятельное участіе. Но будетъ ошибочно думать.

что новизна дѣла привлекала славянскихъ женщинъ къ такому важному вопросу; намъ не разъ приходилось слышать отъ первыхъ учившихся здѣсь русскихъ женщинъ желаніе выполнять свою будущую обязанность внутри своей родины, гдѣ на большихъ растояніяхъ нѣтъ ни одного врача; эта цѣль была такъ прекрасна, что имѣя въ виду только ее одну, многіе профессора изъ гуманности относились сочувственно къ дѣлу университетскаго женскаго образованія. Вообще надѣялись, что и всѣ германскіе университеты откроютъ для женщинъ свои двери; но эта надежда до сихъ поръ еще не исполнилась и Цюрихскій университетъ поставленъ въ исключительное положеніе — выдерживать весь наплывъ учащихся женщинъ. Но преуспѣяніе заведенія отъ этого нисколько не пострадало; такъ съ 1864 по 1872 годъ число студентовъ постепенно возрасло съ 232 до 354; въ особенности увеличивался медицинскій факультетъ: зимою 1864 г. его посѣщали 107 мужчинъ и 1 женщина, а лѣтомъ 1872 года онъ имѣлъ уже своими слушателями 207 мужч. и 51 женщину.

Однако признаки еще большаго наплыва женщинъ въ Цюрихъ побудили университетскій совѣтъ ходатайствовать передъ правительствомъ о назначеніи вступающимъ женщинамъ повѣрочнаго экзамена; при чемъ мотивомъ этого ходатайства былъ прямой интересъ высшаго женскаго образованія, а не какое-либо враждебное отношеніе къ нему.

Въ заключеніе этой главы мы прибавимъ еще два факта, весьма важныхъ для исторіи университетскаго образованія женщины. Въ 1871 году высшія медицин-

скія вѣдомства почти во всѣхъ кантонахъ Швейцаріи высказались громаднымъ большинствомъ голосовъ за допущеніе женщинъ къ правительственному экзамену; вслѣдствіе этого, первая швейцарка, окончившая курсъ медицины, блистательно сдала правительственный экзаменъ.

Далѣе, высшее союзное школьное вѣдомство высказалось въ пользу допущенія женщинъ въ союзную политехническую школу, куда и поступила въ механическое спеціальное отдѣленіе первая женщина, сдавъ отлично пріемный экзаменъ, который не выдержали изъ 350 поступавшихъ 100 человѣкъ.

И такъ, мы видимъ, что Швейцарія, союзное правительство которой, какъ извѣстно, всѣми силами содѣйствовало подготовкѣ и опредѣленію женщинъ на службу въ почтовое и телеграфное вѣдомства, занимаетъ относительно стремленія расширить кругъ женской дѣятельности самое передовое мѣсто.

ГЛАВА III.

Опытъ университетскаго женскаго образованія въ Цюрихѣ и его результаты.

Впродолженіе восьми лѣтъ—съ 1864 по 1872 годъ—мы могли дѣлать наблюденія надъ нѣсколькими смѣнявшими другъ друга курсами учащихся женщинъ. Величайшимъ уваженіемъ какъ межъ учащими такъ и межъ учащимися пользовался первый курсъ. Почти всѣ близко стоявшіе къ нему профессора утверждаютъ, что опытъ съ этимъ курсомъ, продолжавшійся около пяти лѣтъ, удался вполнѣ. Восемь женщинъ, составлявшія этотъ курсъ, не были диллетантками въ наукѣ, какъ можно было опасаться; онѣ выдержали вступительный экзаменъ, а если не могли этого сдѣлать, то пополняли впослѣдствіе пробѣлы своего образованія, изучая со рвеніемъ математику, физику, литературу и т. п. Со студентами у нихъ никогда не было непріятностей; напротивъ, ихъ серьезное, скромное и вѣжливое обращеніе имѣло скорѣе плодотворное вліяніе на самихъ студентовъ. Первыя женщины-студентки Цюриха такъ были увѣрены въ необходимости строгихъ условій для допу-

щенія женщинъ къ университетскимъ занятіямъ, что ходатайствовали у университетскаго совѣта о назначеніи повѣрочнаго экзамена для желающихъ слушать лекціи; даже нѣкоторыя добровольно хотѣли подвергнуться такому экзамену. Онѣ предугадывали, что опытъ съ университетскимъ женскимъ образованіемъ можетъ окончиться неудачею, если слишкомъ молодыя женщины безъ основательной, серьезной подготовки станутъ посѣщать лекціи профессоровъ. Женщины сами сознавали, что съ введеніемъ обязательнаго экзамена положеніе учащихся въ Цюр. университетѣ женщинъ будетъ болѣе опредѣленнымъ и, выражаясь словами одной студентки, «тогда прекратится сама собою болтовня о меньшихъ способностяхъ женщинъ сравнительно съ мужчиною».

Хотя возникаетъ нѣкоторое сомнѣніе относительно способностей и подготовки вновь поступившихъ слушательницъ цюрихскаго университета, все таки мы не должны на основаніи какихъ-то неопредѣленныхъ опасеній насчетъ того, что дастъ будущее, воздерживаться отъ безпристрастной оцѣнки тѣхъ результатовъ, которые далъ намъ опытъ со студентками перваго курса.

До сихъ поръ шесть студентокъ съ честью выдержали экзаменъ на степень доктора; изъ нихъ четыре получили отмѣтку *«хорошо»* и двѣ — *«очень хорошо»*. Какъ при публичныхъ докторскихъ экзаменахъ и диспутахъ, такъ и при другихъ обстоятельствахъ, многіе профессора высказывались вполнѣ одобрительно объ успѣхахъ учащихся женщинъ. Докторскія диссертаціи и диспуты могутъ служить яснымъ доказательствомъ хорошихъ результатовъ университетскаго женскаго образованія. Первая изъ женщинъ, получившихъ степень доктора медици-

ны, занимается теперь съ большимъ успѣхомъ практикой въ С.-Петербургѣ; третья же, жена одного петербургскаго врача, приняла дѣятельное участіе въ цюрихскомъ врачебно-вспомогательномъ обществѣ, отправлявшемся на полѣ битвы, при Бельфорѣ. Проф. Розе руководившій этой экспедиціей, въ своей брошюрѣ «Цюрихское врачебно-вспомогательное общество на полѣ битвы при Бельфорѣ» отзывается о ней чрезвычайно лестно, говоря, что «она, управляя лазаретомъ при Герикурѣ, своею скромною и полною самопожертвованія дѣятельностью пріобрѣла симпатію всѣхъ» (стр. 47).

Противъ этого доказательства въ пользу университетскаго образованія женщины Бишофъ на стр. 44 своей брошюры, говоритъ слѣдующее: «конечно эта *«дама»* можетъ служить яснымъ доказательствомъ того, что женщины очень пригодны для ухода и присмотра за больными,—дѣятельности, для которой они какъ бы созданы; но это не можетъ служить доказательствомъ, чтобы женщина хоть сколько нибудь была способна къ врачебной и оперативной дѣятельности».

На это слѣдуетъ отвѣтить г. Бишофу, что даже не принимая во вниманіе многочисленныхъ примѣровъ врачебной и оперативной дѣятельности женщинъ, каждому врачу извѣстно, что въ хорошемъ уходѣ и присмотрѣ заключается уже половина исцѣленія. Для человѣчества, слѣдовательно, было бы неизмѣримо благотворно, если-бы научно образованныя женщины-доктора занялись основательно именно этой стороною врачебнаго искусства и въ будущемъ подготовили бы свой полъ не только къ раціональному уходу за больными, но и къ предохранительной гигіенѣ, что еще гораздо важнѣе.

Далѣе Бишофъ говоритъ: «вообразимъ себѣ женщину, управляющую какимъ либо госпиталемъ. Развѣ не возбуждается въ каждомъ смѣхъ (а можетъ быть и слезы!) при мысли, что женщина, еслибъ она и имѣла необходимыя для этого знанія, должна внушать окружающимъ ту высокую степень авторитетности, которою пользуется всякій, завѣдывающій госпиталемъ??!!» Мы противупоставимъ этимъ восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ г. Бишофа тотъ фактъ, что г-жа Гарретъ-Андерсонъ, практиковавшая нѣсколько лѣтъ въ качествѣ весьма популярнаго врача, недавно тамъ же основала женскій госпиталь, которымъ и завѣдуетъ самолично. При ней мѣсто помощницы занимаетъ миссъ М—, получившая въ Цюрихѣ второй дипломъ на степень доктора. Для поддержанія этого госпиталя въ Лондонѣ собираются весьма большія пожертвованія. Извѣстные лондонскіе врачи относятся весьма сочувственно къ предпріятію г-жи Гарретъ-Андерсонъ и обѣщаютъ содѣйствіе въ качествѣ консультантовъ. Далѣе, въ Бирмингамѣ основывается женскій госпиталь, гдѣ нашла себѣ мѣсто врача та англичанка, которая получила въ Цюрихѣ пятый дипломъ на степень доктора медицины. Кромѣ того, молодая американка изъ Бостона, слушавшая лекціи медицины въ Цюрихѣ и получившая тамъ 26 октября 1871 г. докторскій дипломъ, отправилась въ Вѣну съ цѣлью продолжать свое образованіе; она намѣрена возвратиться въ Бостонъ, гдѣ ей было обѣщано мѣсто врача при дѣтской больницѣ, если только она пріѣдетъ къ назначенному сроку съ докторскимъ дипломомъ; при полученіи ею диплома, профессоръ анатоміи въ цюрихскомъ университетѣ, Германъ Майеръ, публично заявилъ

ей отъ лица всѣхъ своихъ коллегъ удивленіе ея энергическимъ стремленіямъ и настойчивому характеру. Г. Майеръ между прочимъ замѣтилъ, «что она доказала своимъ примѣромъ возможность посвятить себя медицинѣ не искажая своей женственной натуры.»

Въ заключеніе, пр. Майеръ, какъ представитель медицинскаго факультета, сказалъ: «всѣмъ намъ доставляетъ особенное удовольствіе, что цюрихскій университетъ далъ вамъ возможность осуществить ваши стремленія. Но сдѣлалось это возможнымъ только потому, что лица, отъ которыхъ это зависѣло, отрѣшились отъ дикой традиціи; потому, что наша молодежь вѣжливостью и предупредительностью съумѣла сравнять путь своимъ коллегамъ—женщинамъ. Само-собою разумѣется, что вопросъ еще не вполнѣ рѣшенъ окончаніемъ курса нѣкоторыми отдѣльными личностями: опытъ будущаго покажетъ намъ во первыхъ,—какой кругъ дѣятельности болѣе всего удобенъ женщинѣ врачу; и во вторыхъ, какъ повліяютъ на эту дѣятельность отличительныя особенности самаго женскаго существа.»

Шестая женщина, еще недавно съ особеннымъ отличіемъ выдержавшая экзаменъ на степень доктора, принята директоромъ медицинской клиники, док. Бирмеромъ, въ качествѣ помощника—ассистента въ женское отдѣленіе цюр. госпиталя,—случай еще не бывалый; по единогласному отзыву, она исправляетъ эту должность вполнѣ безъукоризненно.

При защитѣ одной англичанкой докторской диссертаціи, тотъ же Бирмеръ, оппонируя докторанткѣ, сказалъ слѣдующее: «уважаемая N! Вы тоже способствовали скорѣйшему разрѣшенію великой соціальной за-

дачи, занимающей всѣхъ насъ; серьезнымъ отношеніемъ къ наукѣ и рвеніемъ къ изученію ея вы сдѣлались достойнымъ предметомъ подражанія для учащихся здѣсь женщинъ и я не сомнѣваюсь, что всѣ добытыя вами знанія будутъ примѣнены должнымъ образомъ на пользу себѣ и другимъ.»

Мы приводили всѣ эти вѣскіе факты и свидѣтельства, предполагая, что полезно будетъ для дѣла противопоставить одностороннимъ осужденіямъ медиковъ-спеціалистовъ другія, благопріятныя отзывы авторитетовъ той же науки. Но лица, на которыхъ я только что ссылался, имѣютъ неоспоримое преимущество предъ г. Бишофомъ; въ продолженіе многихъ лѣтъ они наблюдали за учащимися женщинами, руководя ихъ занятіями въ аудиторіяхъ; они слѣдили за ихъ практической и врачебной дѣятельностью въ клиникахъ, госпиталяхъ, больницахъ, при чемъ они получили возможность оцѣнить тщательность изслѣдованія болѣзни и діагностическій даръ многихъ женщинъ и рекомендовать ихъ, какъ образецъ осмотрительнаго, добросовѣстнаго и полнаго самопожертвованія ухода за больными.

Однако, не всѣ коллеги Бишофа солидарны съ его воззрѣніемъ на женскій вопросъ. Баварскій профессоръ, Адольфъ Фикъ, извѣстный физіологъ, до переѣзда въ Вюртцбургъ занимавшій нѣсколько лѣтъ кафедру въ Цюрихѣ, имѣлъ возможность дѣлать непосредственныя, личныя наблюденія надъ университетскимъ женскимъ образованіемъ; результатомъ этихъ наблюденій былъ самый благопріятный отзывъ, который сдѣлалъ г. Фикъ (во время защиты первой женской диссертаціи) о работахъ и отвѣтахъ докторантки по его спеціальности.

Противники женскаго универ. образованія, конечно, могутъ заявить, что было бы слишкомъ поспѣшно дѣлать общій выводъ изъ того только, что нѣсколько женщинъ получили докторскій дипломъ; быть можетъ даже найдутся люди, сомнѣвающіеся въ основательности экзамена, которому подвергались эти женщины. Но врядъ ли кто нибудь усумнится въ такомъ сильномъ доказательствѣ, какъ весь ходъ университетскихъ занятій женщинъ. Если студентки въ продолженіе всего четырехъ-годичнаго курса ведутъ свои работы съ однимъ и тѣмъ же успѣхомъ, не оставляющимъ желать ничего лучшаго; если впродолженіе всего этого времени профессоръ имѣетъ возможность слѣдить за ней и въ лабараторіи и въ препаровочной, и въ больницѣ; если, наконецъ, она подвергается обстоятельному и всестороннему устному и письменному экзамену, то мы, кажется, имѣемъ право на основаніи всѣхъ этихъ неопровержимыхъ данныхъ сдѣлать заключеніе о способностяхъ учащейся женщины; и если нашъ выводъ былъ бы благопріятенъ только лишь для нѣсколькихъ личностей, то теорія, провозглашающая полную неспособность женщины къ высшему образованію, теряетъ всякое основаніе.

Конечно, трудно съ точностью предугадать, какимъ успѣхомъ будутъ пользоваться практикующія врачи-женщины; но статистическія данныя говорятъ скорѣе за успѣхъ. Такъ въ Америкѣ очень много врачей-женщинъ пользуется большою практикой. Европа даетъ пока немного матерьяловъ для рѣшенія этого вопроса; до сихъ поръ практиковали лишь двое врачей-женщинъ въ Петербургѣ и двое въ Лондонѣ.

Одна изъ тѣхъ двухъ англичанокъ, о которыхъ мы говорили, служитъ при женской больницѣ; она вторая цюрихская студентка. — Вторая же, — Гарретъ-Андерсонъ, — получила дипломъ врача сначала въ Лондонѣ, а потомъ въ Парижѣ и пользуется такою практикою и такою любовью и признательностью со стороны своихъ паціентовъ, что по поводу ея недавняго брака въ обществѣ раздались громкія сожалѣнія. Этимъ ее вынудили заявить печатно, что она вовсе не намѣрена прекратить свою врачебную дѣятельность.

Одна изъ двухъ петербургскихъ врачей-женщинъ, (обѣ пользуются обширной практикой) была первою студенткою Цюрихскаго университета. Тотчасъ же по выдержаніи повѣрочнаго экзамена въ медико-хирургической академіи въ С.-Петербургѣ, она пріобрѣла громадную практику и, судя по слухамъ, дошедшимъ въ Цюрихъ, пользуется большимъ довѣріемъ публики.

Къ полученнымъ результатамъ женскаго университетскаго образованія нужно прибавить еще тотъ фактъ, что многія студентки цюрихскаго университета уже зарекомендовали себя отличными поликлиническими практиками; заботливостью же, терпѣніемъ при уходѣ за больными, какъ въ госпиталяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ, онѣ заслужили самую искреннюю признательность со стороны своихъ паціентовъ.

Недавно обществомъ молодыхъ врачей разсматривался случай изъ медицинской практики, въ которомъ признали полнѣйшее достоинство за діагнозой, произведенной одной женщиной.

Наконецъ, извѣстно, что много разъ больныя женщины обращались за совѣтомъ къ оканчивающимъ курсъ

студенткамъ, предполагая въ нихъ лучшее, чѣмъ въ мужчинахъ, пониманіе женской природы. Неоспоримо, что тѣ тысячи дѣвушекъ и женщинъ, которыя въ настоящее время стѣсняются обращаться за совѣтами къ врачамъ-мужчинамъ или дѣлаютъ это слишкомъ поздно и то только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, будутъ считать появленіе женщинъ-врачей за избавленіе своего пола. Потребность въ женщинахъ-врачахъ несомнѣнно существуетъ, но она не успѣла еще высказаться. Хотя Бишофъ и предполагаетъ, что женщина охотнѣе позволитъ мужчинѣ лечить себя, чѣмъ женщинѣ, но этимъ онъ доказываетъ только полное противорѣчіе своихъ убѣжденій, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ своей брошюры онъ называетъ женщинъ «стыдливыми», «боязливыми» и т. п.

ГЛАВА IV.

Есть ли какая нибудь опасность въ совмѣстныхъ занятіяхъ мужчинъ и женщинъ?

Однимъ изъ главныхъ доводовъ противъ университетскаго женскаго образованія служитъ та опасность, которой будто бы подвергается нравственность при совмѣстныхъ занятіяхъ мужчинъ и женщинъ. Г. Бишофъ придастъ этому въ своей брошюрѣ большое значеніе. Но до сихъ поръ, не смотря на большое стеченіе женщинъ въ Цюрихскомъ университетѣ, нравственность ихъ не подвергалась никакой опасности Объ этой, наиболѣе испытывающей нападки, сторонѣ женскаго университетскаго образованія высказались оффиціально въ 1870 г. профессора Цюрихскаго университета. Поводомъ къ этому послужилъ запросъ Вюрцбургскаго медицинскаго факультета: «не возникало ли какихъ либо нарушеній общественныхъ приличій отъ допущенія женщинъ къ совмѣстному съ мужчинами слушанію лекцій, при которыхъ производились какіе нибудь опыты, оскорбляющіе женскую стыдливость.» Отвѣтомъ на это было слѣдующее: «Цюрихскій медицинскій факультетъ находитъ, что

присутствіе женщинъ на лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ по медицинѣ не приводитъ ни къ какимъ замѣшательствамъ. Какъ при чтеніи лекцій, такъ и при производствѣ демонстрацій не обращается никакого вниманія на присутствіе женщинъ. Также при анатомическихъ и клиническихъ занятіяхъ къ предмету преподаванія относятся такъ, какъ будто бы присутствовали въ аудиторіи одни только мужчины. Не смотря на это, никогда никакихъ нарушеній приличія не было, и факультетъ, имѣя за собой шестилѣтній опытъ, вполнѣ увѣренъ въ благопріятномъ рѣшеніи вопроса; факультетъ думаетъ, что серьозное отношеніе къ наукѣ, искреннее желаніе трудиться и безъукоризненное поведеніе студентокъ, а также съ другой стороны спокойный характеръ, умственное развитіе и политическое образованіе швейцарскаго учащагося юношества, говорятъ въ пользу этого предположенія.»

Въ послѣднее время коснулся въ печати этой стороны дѣла докторъ Германнъ, профессоръ физіологіи въ Цюрихскомъ университетѣ. Въ своей брошюрѣ «Высшее женское образованіе и интересы университета» *), онъ говоритъ: «но я могу и долженъ высказать совершенно опредѣленно *одно* противъ нѣкоторыхъ намековъ, которые заключаются въ брошюрѣ г. Бишофа: опытъ совмѣстнаго обученія велся у насъ прилично и съ достоинствомъ; всѣ безъ исключенія студентки Цюрихскаго университета держали себя вполнѣ безупречно; многія изъ нихъ прилежаніемъ и энергіей снискали высокое

---

*) Das Frauenstudium und die Interessen der Hochschule.

уваженіе своихъ товарищей и профессоровъ, даже тѣхъ, которые не сочувствуютъ вопросу о высшемъ образованіи женщины. Студенты съ величайшимъ тактомъ избѣгали всего того, что могло бы бросить хотя бы слабую тѣнь на это дѣло. Наконецъ, для слушательницъ-женщинъ никто изъ профессоровъ не снизошелъ съ высоты научнаго преподаванія своего предмета. Г. Бишофъ не понимаетъ, (впрочемъ безъ всякаго опыта со своей стороны), какимъ образомъ можно безъ тягостнаго чувства читать предъ мужчинами и женщинами нѣкоторыя лекціи по анатоміи и другимъ предметамъ. Мы, предполагающіе въ себѣ чувство приличія столь же развитымъ, не нашли въ этомъ ничего тягостнаго. Возвышенность науки и серьозность преподаванія не допускаютъ такихъ чувствъ ни въ учителѣ, ни въ ученикѣ. Конечно, при такомъ обстоятельствѣ преподаватель воздерживается больше, чѣмъ когда бы то ни было отъ всякой шутки, отъ всякаго двусмысленнаго намека; но это воздержаніе никому изъ насъ не стоитъ ни малѣйшаго труда, и мы съ удовольствіемъ отказываемся отъ этихъ вредныхъ приправъ.»

Другой коллега Бишофа пишетъ намъ: «Судя по личному моему опыту, опасность отъ совмѣстнаго обученія равняется нулю, если преподаватель остается приличнымъ. Я часто наблюдалъ за женщинами во время моихъ лекцій: неиспорченная женщина сохраняетъ при этомъ свое достоинство, хорошій юноша — тоже. Вѣдь существуютъ же болѣе двусмысленные салонные разговоры, въ которыхъ дѣлаются одни только намеки, а остальное предоставляютъ фантазіи. Неужели анатомическія препаровочныя и клиники болѣе опасны, чѣмъ

бальныя залы и трактиры, въ которыхъ прислуживаютъ дѣвочки? Право трудно найти какую-либо опасность для нравственности, если мужчина встрѣчается съ женщиною не мимолетно при мишурномъ блескѣ баловъ и вечеринокъ, но при трезвомъ будничномъ свѣтѣ и при серьозныхъ, спеціальныхъ занятіяхъ.»

Такъ какъ мнѣнія объ этомъ вопросѣ однихъ мужчинъ не могутъ быть признаны вполнѣ авторитетными, то мы сообщимъ здѣсь нѣсколько отзывовъ учащихся женщинъ. Одна женщина, съ честію оставившая Цюрихъ, получивши докторскій дипломъ, не смотря на то, что отличалась вполнѣ женственною, въ высшей степени впечатлительною натурою, слѣдующимъ образомъ объясняла профессору свой отказъ заниматься препарированіемъ труповъ въ особенной комнатѣ: «Когда мы рѣшились учиться, мы очень хорошо знали, что встрѣтимся со многимъ, что по обыкновеннымъ понятіямъ должно было бы насъ стѣснять. Но мы пріучились къ мысли храбро смотрѣть въ глаза такимъ вещамъ (made up our mind, to face it courageously); потому что мы хорошо сознаемъ, что въ то самое мгновеніе, въ которое мы покажемъ, что мы стѣсняемся, мы потеряемъ наше положеніе — а тогда лучше совсѣмъ перестать учиться.»

Также заслуживаетъ вниманія слѣдующее заявленіе одной студентки, сдѣланное намъ письменно: «Я желала бы сообщить вамъ результатъ моихъ наблюденій надъ тѣмъ, какое имѣетъ вліяніе на эстетическое чувство изученіе медицины женщиною. Я вступила въ первый разъ въ аудиторіи нашего университета, твердо рѣшившись достигнуть поставленной себѣ цѣли. Но мысль

о присутствіи мужчинъ еще весьма юныхъ, только что оставившихъ гимназію, возбудила во мнѣ, а также въ прочихъ моихъ сверстницахъ непріятное чувство; оно, впрочемъ, скоро исчезло при появленіи профессора въ аудиторіи и уступило мѣсто тому интересу, который возбуждалъ предметъ его лекцій. Такимъ образомъ, аудиторія, произведшая на меня сперва какое-то отталкивающее впечатлѣніе, чрезъ нѣсколько недѣль обратилась въ священное мѣсто, въ которомъ изученіе законовъ природы, возбуждая духъ къ совершенствованію, подавляло въ зародышѣ всякую постороннюю мысль.»

Весьма возможно, что въ аудиторіи, наполненной исключительно молодыми людьми, будутъ относиться къ серьознымъ задачамъ съ нѣкоторымъ чувствомъ легкомыслія; но что все, что хоть сколько нибудь можетъ оскорбить нравственное чувство человѣка изгнано изъ смѣшаннаго круга слушателей, въ которомъ серьозность присутствующихъ женщинъ напоминаетъ и молодымъ слушателямъ о важности предмета,—объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ женскаго высшаго образованія, сдѣланный при этомъ университетѣ.

У мѣста здѣсь обратить вниманіе и на то, что именно въ тѣхъ мѣстахъ какой либо лекціи анатоміи, гдѣ женственность легче всего можетъ быть оскорблена, тактъ профессора и его чисто научное отношеніе къ законамъ природы наиболѣе способны доказать, какъ всѣ чувственныя побужденія совершенно уничтожаются передъ взоромъ мыслящаго человѣка, излагаетъ ли онъ, въ качествѣ учащаго наблюдателя, тайны природы, слѣдитъ ли онъ, въ качествѣ прилежнаго ученика, за полнымъ интереса теченіемъ мысли профессора и его из-

слѣдованій. Здѣсь непремѣнно скажется та рѣзкая граница, которая отдѣляетъ истиннаго друга науки, дѣйствующей во всѣхъ своихъ отрасляхъ лишь облагораживающимъ образомъ на духовныя силы, отъ бездарнаго учителя, относящагося къ своему предмету, какъ къ какому-нибудь ремеслу, не имѣющаго силы въ рѣшительную минуту овладѣть вниманіемъ аудиторіи, въ качествѣ достойнаго представителя науки. На сколько профессоръ, достойный своего званія, въ состояніи возвыситься въ преподаваніи своего предмета, показываютъ наши анатомическія занятія; въ этихъ, такъ сказать, щекотливыхъ лекціяхъ нашъ профессоръ выказываетъ именно то достоинство науки, которое возбуждаетъ въ насъ самое глубокое уваженіе къ нему».

Эти мысли, зарождающіяся въ умѣ женщины, могутъ тоже служить вѣскими данными для отвѣта на вопросъ: заслуживаютъ ли такъ называемые смѣшанные курсы предпочтенія предъ спеціально-женскими. Не будемъ произносить окончательнаго приговора, чтобы не сказали, что это сдѣлано поспѣшно. Но мы все же должны заявить, что именно піонеры женскаго университетскаго образованія въ Цюрихѣ не желаютъ, чтобы говорили, что имъ въ отдѣльныхъ женскихъ курсахъ преподносили будто-бы поверхностныя популярныя чтенія; они желаютъ показать, что ими пройденъ тотъ же курсъ, какъ и мужчинами, и что онѣ въ состояніи преодолѣть тѣ же трудности научнаго образованія. Окончившія курсъ въ такихъ женскихъ школахъ, конечно, цѣнились бы несравненно меньше нашимъ обществомъ, потому что такія женскія школы находились бы всегда ниже мужскихъ, такъ какъ не привлекли бы къ себѣ на-

ученыхъ силъ первой величины. Только отъ свободной конкурренціи съ мужчиною на поприщѣ науки можно ожидать женщинѣ добра. Наука въ своихъ высшихъ цѣляхъ и задачахъ не раздѣляется между полами. Тѣ женщины, которыя, будучи одарены талантомъ и охотою учиться, прійдутъ къ великому рѣшенію — пойти въ своей жизни непривычнымъ для ихъ пола путемъ, принуждены будутъ конкуррировать во всемъ съ мужчинами, вращаться межъ неравными себѣ. Онѣ должны будутъ одержать верхъ въ этой борьбѣ за существованіе, если не захотятъ погибнуть. Поэтому въ интересѣ женскаго дѣла лежитъ, чтобы ни одна неизбранная не проникла въ храмъ науки, чтобы женщинѣ не облегчали искусственно научную карьеру какими-нибудь отдѣльными популярными курсами, но наоборотъ, чтобы женщины испытывали всю трудность мужскихъ курсовъ, чтобы онѣ, въ случаѣ умственнаго неравенства съ учащимися мужчинами, могли бы убѣдиться въ томъ въ началѣ ученія, и, такимъ образомъ, имѣли бы возможность обратиться своевременно къ другимъ занятіямъ. Но съ другой стороны, женщинѣ съ талантомъ долженъ быть открытъ доступъ въ высшія образовательныя заведенія мужчинъ; лишь только она захочетъ изучить спеціально какую-либо отрасль науки, ей должны быть доступны лекціи перваго по этому предмету спеціалиста-профессора.

Кромѣ этихъ чисто педагогическихъ соображеній, нужно принять во вниманіе финансы государства и общины, которыхъ не слѣдуетъ эксплуатировать въ пользу спеціально женскихъ курсовъ и женскихъ университетовъ, такъ какъ во первыхъ, это не будетъ согласо-

слѣдованій. Здѣсь непремѣнно скажется та рѣзкая граница, которая отдѣляетъ истиннаго друга науки, дѣйствующей во всѣхъ своихъ отрасляхъ лишь облагораживающимъ образомъ на духовныя силы, отъ бездарнаго учителя, относящагося къ своему предмету, какъ къ какому-нибудь ремеслу, не имѣющаго силы въ рѣшительную минуту овладѣть вниманіемъ аудиторіи, въ качествѣ достойнаго представителя науки. На сколько профессоръ, достойный своего званія, въ состояніи возвыситься въ преподаваніи своего предмета, показываютъ наши анатомическія занятія; въ этихъ, такъ сказать, щекотливыхъ лекціяхъ нашъ профессоръ выказываетъ именно то достоинство науки, которое возбуждаетъ въ насъ самое глубокое уваженіе къ нему».

Эти мысли, зарождающіяся въ умѣ женщины, могутъ тоже служить вѣскими данными для отвѣта на вопросъ: заслуживаютъ ли такъ называемые смѣшанные курсы предпочтенія предъ спеціально-женскими. Не будемъ произносить окончательнаго приговора, чтобы не сказали, что это сдѣлано поспѣшно. Но мы все же должны заявить, что именно піонеры женскаго университетскаго образованія въ Цюрихѣ не желаютъ, чтобы говорили, что имъ въ отдѣльныхъ женскихъ курсахъ преподносили будто-бы поверхностныя популярныя чтенія; они желаютъ показать, что ими пройденъ тотъ же курсъ, какъ и мужчинами, и что онѣ въ состояніи преодолѣть тѣ же трудности научнаго образованія. Окончившія курсъ въ такихъ женскихъ школахъ, конечно, цѣнились бы несравненно меньше нашимъ обществомъ, потому что такія женскія школы находились бы всегда ниже мужскихъ, такъ какъ не привлекли бы къ себѣ на-

учныхъ силъ первой величины. Только отъ свободной конкурренціи съ мужчиною на поприщѣ науки можно ожидать женщинѣ добра. Наука въ своихъ высшихъ цѣляхъ и задачахъ не раздѣляется между полами. Тѣ женщины, которыя, будучи одарены талантомъ и охотою учиться, прійдутъ къ великому рѣшенію — пойти въ своей жизни непривычнымъ для ихъ пола путемъ, принуждены будутъ конкуррировать во всемъ съ мужчинами, вращаться межъ неравными себѣ. Онѣ должны будутъ одержать верхъ въ этой борьбѣ за существованіе, если не захотятъ погибнуть. Поэтому въ интересѣ женскаго дѣла лежитъ, чтобы ни одна неизбранная не проникла въ храмъ науки, чтобы женщинѣ не облегчали искусственно научную карьеру какими-нибудь отдѣльными популярными курсами, но наоборотъ, чтобы женщины испытывали всю трудность мужскихъ курсовъ, чтобы онѣ, въ случаѣ умственнаго неравенства съ учащимися мужчинами, могли бы убѣдиться въ томъ въ началѣ ученія, и, такимъ образомъ, имѣли бы возможность обратиться своевременно къ другимъ занятіямъ. Но съ другой стороны, женщинѣ съ талантомъ долженъ быть открытъ доступъ въ высшія образовательныя заведенія мужчинъ; лишь только она захочетъ изучить спеціально какую-либо отрасль науки, ей должны быть доступны лекціи перваго по этому предмету спеціалиста-профессора.

Кромѣ этихъ чисто педагогическихъ соображеній, нужно принять во вниманіе финансы государства и общины, которыхъ не слѣдуетъ эксплуатировать въ пользу спеціально женскихъ курсовъ и женскихъ университетовъ, такъ какъ во первыхъ, это не будетъ согласо-

ваться съ желаніями женщинъ — получить доступъ въ *уже существующія высшія учебныя заведенія*, на поддержаніе которыхъ женщины внесли и свою лепту; а во вторыхъ, потому что женщины гораздо болѣе нуждаются въ подготовительныхъ гимназіяхъ, реальныхъ школахъ и среднихъ ремесленныхъ училищахъ.

Дѣло понятное, что государство не прежде приступитъ къ открытію женскихъ курсовъ и женскаго университета, пока ихъ польза не будетъ общепризнана, ихъ существованіе—гарантировано, пока вообще въ нихъ не явится насущная потребность; но этого ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи еще не имѣется.

Слѣдовательно, пока весь вопросъ о женскомъ университетскомъ образованіи находится въ стадіи опыта, для него должны быть открыты *всѣ существующія уже высшія учебныя заведенія*, конечно, если только будетъ признано, что этотъ опытъ желательно произвести, сдѣлать возможнымъ. Лишь въ будущемъ, съ развитіемъ женскаго университетскаго образованія, появиться можетъ быть извѣстное раздѣленіе труда. Тогда женщинамъ можно будетъ читать отдѣльно лекціи по нѣкоторымъ отраслямъ женскихъ болѣзней; эти курсы могутъ читаться профессорами-женщинами; но общія, теоретическія и практическія отдѣлы науки, вѣроятно, и тогда будутъ читаться въ смѣшанныхъ курсахъ.

ГЛАВА V.

О способностяхъ женщины къ изученію медицины и къ примѣненію ее на практикѣ.

Хотя приведенные уже факты доказываютъ несомнѣнную способность женщины къ изученію медицины, но я считаю не лишнимъ разсмотрѣть еще одинъ чисто апріористическій доводъ г. Бишофа,—«неравенство какъ физическихъ, такъ и умственныхъ силъ мужчины и женщины», потому что это одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ Бишофа противъ допущенія женщинъ въ университетъ. Коллега Бишофа, пр. Германнъ, сходящійся съ нимъ въ нѣкоторыхъ недружелюбныхъ взглядахъ на университетское образованіе женщины, значительно облегчилъ намъ эту задачу; въ своей брошюрѣ, (о которой мы уже упоминали), онъ говоритъ, что приведенное Бишофомъ различіе въ объемѣ череповъ и мозга мужчины и женщины вовсе ничего не доказываетъ. «Изъ результатовъ добытыхъ наукою, пишетъ онъ, выходитъ только одно, — что абсолютный вѣсъ мозга у женщины меньше, чѣмъ у мужчины; тогда какъ относительный вѣсъ мозга у обоихъ половъ приблизительно одинаковъ; но каждому анатому и физіологу извѣстно, какая малая пропорціональность существуетъ межъ вѣсомъ мозга и умственными способностями человѣка. Извѣстно, что при равномъ вѣсѣ мозга, количество верхняго слоя сѣраго вещества, отъ котораго, какъ полагаютъ, и зависитъ вся психическая дѣятельность человѣка, можетъ быть больше или меньше, смотря по

различному развитію извилинъ въ мозгу; а еслибы сдѣлать, относительно верхняго слоя сѣраго мозговаго вещества, тоже предположеніе, которое дѣлалось г. Бишофомъ относительно абсолютнаго вѣса мозга, то можно съ увѣренностью сказать, что немногіе физіологи рѣшились бы, на основаніи этихъ данныхъ заключать объ умственныхъ способностяхъ. Въ крайнемъ случаѣ, можно допустить съ нѣкоторымъ основаніемъ прямую зависимость межъ слабостью умственныхъ способностей и малымъ количествомъ верхняго слоя сѣраго вещества. По Бишофу, разность межъ абсолютнымъ вѣсомъ мозга мужчины и женщины равняется почти 134 граммамъ; можно-ли допустить, чтобы недостатокъ этого небольшаго количества мозга дѣлалъ женщину неспособною къ изученію медицины? Такое предположеніе тѣмъ болѣе гадательно, что до сихъ поръ не извѣстно, находится ли содержимое нашихъ мыслей въ прямой связи съ числомъ нашихъ воспоминаній и вообще со всею психическою дѣятельностью; я допускаю, что это число увеличивается больше чрезъ ученіе, чѣмъ чрезъ обыкновенное пользованіе нашими чувствами, хотя и это еще не доказано. Но вѣдь преобладающая жизнь чувствъ, которую Бишофъ приписываетъ женщинѣ, тоже требуетъ извѣстнаго расхода психической дѣятельности, а слѣдовательно и соотвѣтствующее развитіе дѣйствующаго органа, въ чемъ мужчина (по Бишофу) долженъ чувствовать недостатокъ. Наконецъ, противъ результатовъ сравнительнаго взвѣшиванья можно возразить, что мозговая субстанція вслѣдствіе постояннаго упражненія постоянно развивается, по этому можно съ достовѣрностью утверждать, что вѣсовое отношеніе моз-

га измѣнится отъ измѣненія условій воспитанія Изъ всего этого видно, насколько анатомическіе и физіологическіе выводы не примѣнимы къ рѣшенію нашего вопроса».

Вотъ что говоритъ проф. Германъ Онъ ничего не отвѣчалъ Бишофу на его длинную рѣчь о трудности изученія медицины и на его философствованіе о томъ, есть ли медицина ремесло или искусство: для рѣшенія подлежащей задачи, эти пренія были бы не важны. Если врачеваніе и есть искусство, какъ полагаетъ г. Бишофъ, то все таки намъ кажется, что разница межъ мускульной силой мужчины и женщины не можетъ имѣть здѣсь ни малѣйшаго значенія. Главнѣйшимъ образомъ врачъ употребляетъ свою силу при отправленіи акушерскихъ обязанностей; неужели г. Бишофъ противится женской практикѣ и въ этой отрасли медицины? Но развѣ женщинѣ необходима меньшая мускульная сила при производствѣ полевыхъ работъ, на кухнѣ, на фабрикѣ, въ качествѣ сидѣлки, и т. п.; развѣ нѣтъ малосильныхъ или разслабленныхъ старостью врачей, имѣющихъ меньше силъ, чѣмъ у женщины, а межъ тѣмъ все таки съ успѣхомъ исполняющихъ свою обязанность?

Не болѣе логичны доводы г. Бишофа противъ возможности женщинѣ регулярно заниматься медицинской практикой; потому что у каждаго мужчины врача случаются перерывы въ исполненіи своихъ обязанностей вслѣдствіе болѣзней и болѣе или менѣе продолжительныхъ путешествій. Развѣ женщинамъ врачамъ нельзя замѣщать другъ друга во время такихъ перерывовъ? Развѣ впродолженіе цѣлыхъ столѣтій не существовали повивальныя бабки, которыя вмѣстѣ со своей про-

фессіей добросовѣстно несли обязанность хозяйки и матери?

Здѣсь кстати будетъ привести слѣдующее мнѣніе нашего коллеги, профессора анатоміи и гистологіи, г. Фрея. «Изъ моихъ опытовъ практическаго преподаванія, говоритъ онъ, я заключилъ, что нѣкоторыя женщины имѣютъ большую способность къ изученію анатоміи. Нерѣдко производя какую-либо демонстрацію, я задавалъ своимъ слушателямъ вопросы, чтобы узнать, поняли ли они меня? Очень часто при этомъ меня пріятно изумляли отвѣты женщинъ. По апріористическому предположенію г. Биншофа, женщина можетъ усовершенствоваться развѣ только до того, чтобы приготовить самымъ ремесленнымъ образомъ препаратъ для микроскопа, не болѣе. Я занимался по крайней мѣрѣ съ 20 женщинами, и, по моимъ наблюденіямъ, способная женщина весьма легко достигаетъ чрезвычайно искусной тонкой техники и пріучается къ основательному наблюденію. Вотъ почему я полагаю, что въ будущемъ женщина сдѣлаетъ чрезвычайно много своими работами съ микроскопомъ, однимъ изъ важнѣйшихъ орудій современной медицины».

Профессоръ Бирмеръ говоритъ, что «въ его клиникѣ многія женщины отличались, какъ практикантки тщательнымъ изслѣдованіемъ болѣзни и точной діагностикой. Ко всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ, за достовѣрность которыхъ ручаются извѣстныя спеціалисты, мы можемъ еще прибавить, что профессора, читающіе древніе и новые языки, математику и другія точныя науки, вполнѣ довольны успѣхами занимающихся въ Цюрихѣ женщинъ. Въ прошломъ году, напримѣръ, передъ провѣ-

рочной экзаменаціонной комиссіей изъ двѣнадцати экзаменовавшихся отвѣчала лучше всѣхъ женщина. Впрочемъ, еще до возникновенія вопроса объ университетскомъ женскомъ образованіи многимъ цюрихскимъ профессорамъ и ученымъ были извѣстны женщины, обладавшія самыми основательными знаніями древнихъ языковъ и математики; нѣкоторыя изъ нихъ съ успѣхомъ занимались преподаваніемъ латинскаго и греческаго языковъ для того, чтобы подготовить женщинъ для поступленія въ университетъ. Само собою разумѣется, что женщины, посѣщающія лекціи, точно также, какъ и мужчины, высказываютъ большіе и меньшіе успѣхи и способности, и что съ возрастаніемъ числа сравниваемыхъ случаевъ, увеличивается и разница. Но если только пять или десять женщинъ въ различныхъ отрасляхъ науки совершили что нибудь дѣльное, если онѣ подвигаются вровень съ мужчинами одинаковой съ ними подготовки, а иногда и опережаютъ ихъ, то ужъ этимъ самымъ опровергаются всякія предположенія объ умственной несостоятельности женщины.

Взаключеніе, мы приведемъ нѣсколько словъ изъ рѣчи профессора Розе, читанной при полученіи докторскаго диплома второю студенткою; эта рѣчь была уже перепечатана въ спеціальномъ органѣ по женскому образованію «Frauenanwalt»; въ ней доказывается, что вопросъ какъ о высшемъ образованіи, такъ и о врачебной практикѣ женщинъ рѣшенъ ужъ 100 лѣтъ тому назадъ Доротеей Шарлотой Эркслебенъ въ г. Кведлинбургѣ. Эта госпожа пріобрѣла себѣ основательныя и обширныя медицинскія познанія. 12 іюня 1754 года она получила свой докторскій дипломъ; ея диссертація на столь-

ко же научна и интересна, какъ и большинство медицинскихъ сочиненій того времени. Всеобщее вниманіе обратило на себя ея сочиненіе: «Подробное изслѣдованіе причинъ, удерживающихъ женщинъ отъ высшаго образованія, съ указаніемъ на маловажность этихъ причинъ и на то, какъ возможно, какъ необходимо и какъ полезно было бы женскому полу заниматься науками» *). Госпожа Эркслебенъ практиковала въ Квед-линбургѣ, гдѣ и вышла замужъ зо дьякона церкви св. Николая. Въ своей біографіи она пишетъ, «что бракъ не мѣшаетъ ученымъ занятіямъ женщины; напротивъ,—съ умнымъ мужемъ еще веселѣе работается». Ссылаясь еще на нѣсколько фактовъ, профессоръ Розе закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Отсюда видно, что вопросъ о равноправности женщинъ, насколько онъ зависитъ отъ ихъ способности, былъ рѣшенъ 100 лѣтъ тому назадъ; еще тогда убѣдились, что обязанности матери не представляютъ никакихъ препятствій для высшаго образованія женщинъ».

«Цюрихскій же университетъ хочетъ, чтобы за нимъ было признано, что въ его стѣнахъ было открыто впервые мѣсто для высшаго образованія женщины и тѣмъ практически рѣшенъ experimentum crucis этого важнаго соціальнаго вопроса».

---

*) Gründliche Untersuchung der Ursachen, die das weibliche Geschlecht vom Studium abhalten, darin deren Unerheblichkeit gezeiget und wie möglich, nöthig und nützlich es sei dass dieses Geschlecht der Gelahrtheit sich befleissige, umständlich dargelegt wird.

20070562220